

СТАТЬИ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГГ. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

НА ПУТИ К РЕВОЛЮЦИИ – ГАРНИЗОН ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ В 1905 Г.

Р.С. Авилов

Авилов Роман Сергеевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: avilov-1987@mail.ru

В статье исследуются проблемы истории гарнизона Владивостокской крепости в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Рассмотрен процесс экстренного усиления гарнизона крепости в 1905 г., выявлены его особенности. Установлен ряд неизвестных ранее предпосылок революционного взрыва в крепости в октябре 1905 г.

Ключевые слова: Владивостокская крепость, Русско-японская война 1904–1905 гг., Дальний Восток России, Приамурский военный округ, Первая русская революция.

За последние 15 лет был опубликован ряд серьезных работ по истории Владивостокской крепости [1, 2, 9, 11]. Строительство крепости, конструктивные особенности фортификационных сооружений, внешнеполитические факторы, влиявшие на ход строительных работ, и даже крепостной гарнизон изучены достаточно хорошо. Существенное внимание было уделено роли крепости во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако вопрос о том, каким образом крепостной гарнизон вдруг стал источником «революционной заразы», внося свою лепту в историю Первой русской революции, изучен недостаточно. Некоторые важнейшие факторы, повлиявшие на это «превращение», удалось выявить только недавно. Как оказалось, исследование этого вопроса требует тщательного рассмотрения процесса усиления и службы гарнизона Владивостокской крепости во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В истории крепости во время войны принято выделять два периода:

1-й период – от начала войны до капитуляции Порт-Артура, когда операции против Владивостока считались маловероятными, крепость извне не усиливалась, а часть ее артиллерийского вооружения и боевых запасов были взяты для нужд Порт-Артура и Маньчжурской армии. Однако именно в этот период имел место (единственный за все время войны) боевой эпизод с участием крепости, когда она была обстреляна кораблями японской эскадры.

2-й период – от капитуляции Порт-Артура, т.е. с конца декабря 1904 г.¹, до конца кампании, когда Владивосток стал единственной базой для русского флота на Тихом океане, а возможность внезапного нападения на него японцев – вполне реальной. В это время в крепости провели комплекс мероприятий, направленных на ее подготовку к штурму и долговременной осаде.

К началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. гарнизон крепости составляла 8-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада: 29-й, 30-й, 31-й и 32-й Восточно-Сибирские стрелковые полки 2-батальонного состава – всего 8 батальонов. Характерно, что Высочайший приказ о развертывании полков этой бригады в 3-батальонный состав был отдан еще 7 января 1904 г., но третьи батальоны формировались в Европейской России и в крепость прибыли позже [19: с. 179–180]. В состав гарнизона также входили 1-й и 2-й Владивостокские крепостные артиллерийские батальоны [15: приказ № 118 от 21 февраля 1904 г.]. Владивостокская крепостная саперная рота при мобилизации была развернута в 2 роты – 2-я была окончательно сформирована к 6 февраля [15: приказ № 169 от 19 марта 1904 г.]. Недостающее до штата количество чинов было восполнено запасными, а роты получили наименование 1-й и 2-й Владивостокских крепостных са-

¹ Все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.

перных рот. Кроме того, гарнизон крепости включал в себя Владивостокскую крепостную минную роту, военный телеграф и жандармскую команду. Во Владивостоке находились также штаб крепости, крепостные управления, продовольственный магазин, военно-паровая мукомольня, артиллерийский магазин, крепостной инженерный склад и военно-врачебные заведения (местный лазарет и два полевых запасных госпиталя) [18: л. 16].

По Высочайше утвержденному плану крепость была рассчитана на 12 тыс. чел. гарнизона при 300 полевых и крепостных орудиях, при этом на момент мобилизации под ружьем находилось лишь 8 650 чел. [19: с. 179–180].

Однако расчетная численность гарнизона была явно недостаточна для эффективной обороны. Начальник штаба крепости полковник А.П. Будберг писал: «...Казалось бы, что наши высокие военные инстанции, решавшие основные вопросы по усилению Владивостока, должны были бы задуматься над тем, насколько соответствовал самым скромным требованиям обороны тот шестибатальонный гарнизон, который они, как в аптеке, определили для крепости, занимавшей площадь в несколько сот квадратных верст и во исполнение Высочайшей для нее инструкции обязанной «держаться во что бы то ни стало и как бы долго не продолжалась война».

Ведь несколько минут размышлений и самого простого расчета было бы вполне достаточно для того, чтобы убедиться, что этих шести батальонов могло хватить только на то, чтобы занять очень слабыми гарнизонами одиннадцативерстную линию обороны с такими же слабыми за нею резервами и при абсолютном отсутствии затем каких-либо источников для пополнения убиты убитыми, ранеными и больными» [3: с. 33–34].

Импровизировать коменданту Владивостокской крепости Д.Н. Воронцу пришлось сразу. Уже в начале февраля 1904 г. гарнизон был усилен сформированной вольной дружиной № 14, численностью в 186 чел. и разведывательным конным отрядом из местных жителей, в количестве 109 всадников [19: с. 180].

В дальнейшем (на протяжении всего первого периода) рост численности гарнизона почти не происходил. В это время вероятность нанесения японцами удара по Владивостоку считалась минимальной, поэтому усиление проводилось по остаточному принципу и носило импровизированный характер.

После падения Порт-Артура в декабре 1904 г. Владивосток остался единственной военно-морской базой России на Тихом океане, в силу чего активизация действий японцев на этом направлении представлялась вполне закономерной. Среди местного военного начальства ходили упорные слухи о скором начале действий против Владивостокской

крепости, что подтверждалось и агентурными сведениями [19: с. 202]. По этой причине 6 декабря 1904 г. Главный штаб объявил, что до конца войны офицеры и нижние чины не могут перевозить свои семьи во Владивосток [20: циркуляр № 344 от 6 декабря 1904 г.].

Примерно в это же время комендант крепости Д.Н. Воронец доложил Главнокомандующему, что «наличный гарнизон не мог быть признан достаточным для продолжительной и упорной обороны обширного крепостного района и Русского острова, ибо в нем не имелось ни резервов, ни запасных частей для пополнения неизбежной убыли. Несоответствие размера Владивостокского гарнизона с предстоящими ему в случае осады задачами было подчеркнуто указанием, что его настоящая численность была на три тысячи человек менее того, что сдалось в плен в Порт-Артуре» [4: с. 28].

Вскоре были приняты меры по его экстренному усилению. К 10 февраля 1905 г. гарнизон крепости составляли: 8-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия в составе 29-го, 30-го, 31-го и 32-го Восточно-Сибирских стрелковых полков 3-батальонного состава, 6-й и 7-й Восточно-Сибирские стрелковые полки 3-батальонного состава, Хабаровский резервный полк (4 батальона), Владивостокская крепостная артиллерия – 4 батальона (5-й и 6-й находились в стадии формирования), Посыетская нештатная легкая батарея – 8 орудий, 8-й Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион – 3 батареи (всего 24 орудия), Хунчунская артиллерийская команда, 1-я и 2-я Владивостокские саперные роты, а также 2-я рота Восточно-Сибирского саперного батальона, 1-я Владивостокская крепостная минная рота (2-я находилась в стадии формирования), Владивостокский военный телеграф, Владивостокская полевая жандармская команда, Владивостокская вольная стрелковая дружина, Никольская военная дружина, Владивостокский разведочный конный отряд [19: с. 207–208].

Боеспособность и моральные качества отдельных частей вызывали у Будберга большие сомнения, ведь «...наш гарнизон неведомо почему и зачем был усилен десятью батальонами отдельной пехотной бригады, в которую включили два новых спешно сформированных полка, развернутых из Хабаровского и Благовещенского резервных батальонов. Родона начальниками этих полков были Хабаровская и Благовещенская конвойные команды; из команд сделали сначала шестиротные резервные батальоны, а потом влили в них около 6 тысяч нижних чинов из тех толп беглецов с поля Мукденских боев, которые были пойманы за Телином особо назначенными для сего отрядами и отправлены сначала в Харбинский район, а потом к нам во

Владивосток. По крайней мере три четверти нижних чинов этих богомольческих дружин состояли из самых старых "дядей", 42- и 43-летнего возраста, отбывших мобилизации 1885, 1895 и 1900 годов и по сущности уже перешедших законные сроки перечисления в государственное ополчение; их внешний вид был совсем не боевой, к войне и опасности они относились с открытым и сугубым отвращением, класть свой живот никуда и ни за кого не желали, в настоящем думали только о том, чтобы поменьше работать и побольше есть, а в ближайшем будущем были всецело поглощены тяжелыми и тревожными думами и заботами об оставленных дома семьях и о том расстройстве, в которое пришли их оставленные поля и хозяйства... Офицерский состав этих полков был в огромном большинстве самый третьесортный, а частично никуда не годный и совершенно не отвечающий самым минимальным требованиям элементарной морали» [5: с. 42–43].

Однако для продолжительной обороны Владивостока и этих сил было явно недостаточно. В телеграмме Временно Командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту М.С. Андрееву от 29 января 1905 г. Главнокомандующий А.Н. Куропаткин сообщил о мерах, которые предполагалось принять для доведения внешнего резерва крепости до трех дивизий. Для твердой обороны Владивостока признали необходимым иметь в нем 36 батальонов. Так как последовало Высочайшее соизволение на направление в крепость одной резервной дивизии, то с ее прибытием и переформированием уже находящихся в крепости 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (всех полки разворачивались из 3-батальонного в 4-батальонный состав) и Хабаровского резервного батальона (разворачивался в пехотный полк 4-батальонного состава), части эти составили бы 36 батальонов. До прибытия из Европейской России резервной дивизии, но при развертывании уже имевшихся частей, в крепости должны были оказаться: 16 батальонов 8-й дивизии, Хабаровский полк и два 3-батальонных полка 2-й дивизии; всего 26 батальонов [19: с. 208].

7 февраля 1905 г. по поручению Главнокомандующего А.Н. Куропаткина во Владивосток прибыл находящийся при нем для особых поручений военный инженер генерал-майор К.И. Величко, в чью задачу входило ознакомление с условиями обороны крепости и с ее потребностями в инженерном и артиллерийском отношениях. За время своего пребывания во Владивостоке он выслушал доклад начальников крепостных управлений и коменданта, принял участие в ряде совещаний, и лично осмотрел укрепленные позиции. Так, 11 февраля ему доложили о необходимых для поднятия

обороноспособности крепости мерах – присылке из состава действующих войск офицеров, имеющих серьезный боевой опыт.

Рапортуя в тот же день Главнокомандующему свои заключения по обороне крепости, К.И. Величко констатировал, что поскольку вся концепция обороны Владивостока изначально строилась исходя из численности гарнизона в 12–20 батальонов, то и линия сухопутной обороны была сделана максимально короткой и представляла собой сплошную ограду, прерываемую рядом опорных пунктов. Высоты севернее этой линии оборонять не предполагалась, так как это было физически невозможно при установленной численности гарнизона, который вынужден был еще и использовать часть сил для обороны о. Русский. «...Но в настоящее время вопрос решен совершенно иначе, и на названных высотах, а также на смежных позициях идет деятельная работа по возведению фортификационных сооружений», – что, по мнению Величко, являлось результатом расчета на более сильный гарнизон, около 36 батальонов.

Ситуация была бы анекдотичной, если бы не боевая обстановка. С одной стороны, инженеры Владивостокской крепости, предвосхитив опыт, полученный в ходе борьбы за Порт-Артур, отодвинули линию сухопутной обороны как можно дальше от города, требуя при этом лишь соответственно усилить гарнизон крепости. С другой – при господствовавшем у Главнокомандующего мнении, что японцев можно разбить только при подавляющем превосходстве в людях, возможность усиления гарнизона крепости была под большим вопросом. Проще было вернуться к первоначальному плану обороны (в корне неправильному, как показал опыт борьбы за Порт-Артур), чем просто усилить гарнизон крепости и занять войсками уже практически достроенные передовые позиции!

«...Я не имею возможности входить в соображение о вероятности получения крепостью такого гарнизона в ближайшем будущем, но вынужден в виду того, что неприятель не за горами, основывать свои соображения на наличных средствах крепости, определяемых в 24 батальона пехоты, и на том, что названные позиции уже более или менее укреплены, следовательно, как бы народилась естественная необходимость упорно держаться на них», – писал К.И. Величко [19: с. 210–215].

10 февраля 1905 г. временно исполняющий дела коменданта Владивостокской крепости представил начальнику обороны Приморской области доклад, в котором снова указал, что «для надежной защиты Владивостока необходим соответственный его назначению и размерам гарнизон. Необходимо теперь же, так как по условию и полного нашего бессилия и слепоты на море опасность может по-

явиться так внезапно, что уже не будет времени усилить средства обороны и довести их до желаемой нормы. ... Лишние 20 тысяч в Маньчжурской армии едва ли могут дать решительные результаты, но недостающие во Владивостоке те же 20 тысяч могут повлечь за собой самые тяжелые последствия».

Поэтому и.д. коменданта просил, среди прочего, немедленно усилить гарнизон как минимум до 48 батальонов, причем не импровизированными частями, а сплоченными, с отличным офицерским составом, и сформировать для крепости три запасных батальона в качестве резерва для пополнения убыли [19: с. 208–210].

О том, какое значение придавалось на этом этапе войны крепости Владивосток, свидетельствует тот факт, что 9 марта, в шифрованной телеграмме на имя Главнокомандующего, император указал на необходимость надежного обеспечения Владивостока как в плане достаточного гарнизона, так и в плане различных запасов для продолжительного сопротивления на случай его осады [19: с. 218].

И все же численность гарнизона росла медленно. Многие решения сначала принимались, затем существенно корректировались или вовсе отменялись. Так, сначала предполагалось направить во Владивосток 4-й корпус и пластунскую бригаду, но 10 марта этот приказ отменили. Зато в этот же день в крепость прибыла 10-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия (переименованная из Сводной пехотной дивизии) в составе трех 4-батальонных полков. При этом штаб дивизии, 37-й и 38-й Восточно-Сибирские стрелковые полки были сформированы в г. Никольск-Уссурийский 28 февраля 1905 г., а 39-й Восточно-Сибирский стрелковый полк – 23 февраля в Харбине. По прибытии соединения во Владивосток его командир получил телеграмму Командующего войсками Приамурского военного округа: «Из наличного состава полков 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии выделить по одному батальону и из этих батальонов образовать 40-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Затем от каждого из трех батальонов полка взять по одной роте и из этих трех рот образовать четвертые батальоны трехротного состава. После из каждой роты отделить одну треть нижних чинов и из них образовать роты тех номеров, которые были выделены на образование четвертых батальонов... Все исполнить в один день и об исполнении мне донести» [19: с. 210–215].

Рассмотрим процесс формирования 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии более подробно. 1 марта 1905 г. в Приморскую область пришла телеграмма начальника штаба Главнокомандующего № 2745: «Владивосток Генералу Андрееву. 273. По воле ГОСУДАРЯ формируемые: Стрелковая дивизия должна именоваться не чет-

вертой, а десятой Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, при чем полкам должны быть присвоены номера тридцать седьмой, тридцать восьмой, тридцать девятый и сороковой...» [14: приказ № 248 от 12 марта 1905 г., приложение].

В соответствии с этим прибывшую вскоре в Приамурский военный округ Сводную пехотную бригаду было приказано «именовать 10 Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию, с присвоением полкам названий 37, 38, 39 Восточно-Сибирских стрелковых полков» [14: приказ № 250 от 12 марта 1905 г.]. 11 марта командующий дивизией донес, что ее штаб, «37 и 38 Восточно-Сибирские стрелковые полки сформированы в Никольск-Уссурийске 28 февраля, и 39 Восточно-Сибирский стрелковый полк в Харбине 23 февраля 1905 г.» [14: приказ № 284 от 15 марта 1905 г.].

Параллельно формировали 10-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. К 28 марта 1905 г. прибывшие в пределы округа артиллерийские дивизионы 31-й и 35-й артиллерийских бригад были сведенные в 10-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду [16: приказ № 318 от 28 марта 1905 г.]. С командным составом формируемых на военное время частей и соединений царил полный хаос. У той же 10-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады только за 1905 г., по официальным данным, командующий менялся минимум 4 раза!

Однако на этом перманентно продолжавшиеся до конца войны изменения состава и структуры Владивостокского гарнизона не закончились. В мае, по приказу Главнокомандующего, полки 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, сформированной по штату 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, были усилены и доведены до штата 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Вскоре после формирования 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии в крепость прибыли: Сибирская воздухоплавательная рота, 2-я Владивостокская крепостная минная рота, 5-й и 6-й батальоны крепостной артиллерии, 3-я и 6-я сотни 6-го Сибирского казачьего полка. При этом 6-я сотня и Посъетская легкая батарея вскоре были выведены из крепости. В итоге к началу апреля 1905 г. гарнизон крепости был доведен до 36 батальонов пехоты, 6 батальонов крепостной артиллерии, 24 полевых орудий, 4 саперных, 4 минных и 1 воздухоплавательной рот, а также военно-голубиной станции [19: с. 219–220]. Причем командирам этих частей приходилось регулярно напоминать, что раз вверенные им войска переброшены в крепость, то они теперь должны подчиняться крепостному начальству. Так, «Начальник Штаба Главнокомандующего телеграммой от 15-го сего февраля 1905 года за № 2122 уведомил меня – писал

в очередной раз М.С. Андреев в приказе по войскам округа – что Главнокомандующий велел подчинить Коменданту Владивостокской крепости все находящиеся и могущие оказаться в крепости сухопутные и морские силы» [16: приказ № 139 от 16 февраля 1905 г.].

2 марта 1905 г. в крепость прибыл и вступил в должность новый комендант – генерал-лейтенант Г.Н. Казбек [17: приказ № 281 от 2 марта 1905 г.]. В письме Главнокомандующему он докладывал, что застал Владивосток совершенно неготовым к обороне. Среди прочего он указывал, что пехотная составляющая гарнизона крепости не была доведена до последней нормы, определенной бывшим Главнокомандующим – 50 батальонов. Даже с прибывающими частями и формируемой 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией в крепости было бы всего 32 батальона, что делало настоятельно необходимым переброску во Владивосток еще как минимум одной пехотной бригады. При этом в 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии не было ни одного бригадного генерала, из 4 командиров полков 3 были молодыми подполковниками, не хватало и 13 штаб-офицеров.

Не хватало крепостных орудий, а переброска половины штатного комплекта еще только ожидалась. Недостаток артиллерийских офицеров был настолько значителен, что командирами батарей приходилось назначать офицеров из запаса, почти не знавших своего дела. Артиллерийской прислуги также не хватало. Запас продовольствия имелся только на 6 месяцев, чувствовался недостаток мяса и фуража, а городское население только начинало делать свои запасы. Снабжение одеждой и снаряжением было весьма скудное, особенно в 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Полиции в крепости, по словам коменданта, также практически не существовало, что его очень заботило, ведь две трети населения города составляли китайцы и корейцы, отнюдь не внушавшие ему доверия [19: с. 220–221].

Более эмоционально Г.Н. Казбек описывал ситуацию в крепости спустя 5 лет, 8 сентября 1910 г., когда его допрашивали по поручению Сенатора А.А. Глищинского, ревизующего «управления и установления Иркутского и Приамурского военных округов»: «Во Владивосток я прибыл 1 Марта 1905 года вслед за Мукденской катастрофой, которая еще более отягчила значение крепости и осложнила задачу Владивостокского коменданта. Я сознавал трудность возложенной на меня задачи, и хотя в Главном Штабе, в Петербурге, я получил неутешительные данные о состоянии крепостных верков, о составе гарнизона, его вооружении и снабжении, но действительность превзошла мои ожидания: крепость оказалась ниже всякой критики. Владивосток по

нормальной табели, считавшийся крепостью II-го класса, был приспособлен только на гарнизон до 10–12 тыс. человек с вооружением до 300 орудий и с портом, плохо снабженным и с одним плавучим доком, рассчитанным на ремонт малых судов.

Эта сама по себе малая крепость в предыдущие годы была принесена в жертву Порт-Артуру и маньчжурской армии, для спешного усиления которых, по распоряжению начальства, были взяты из Владивостока часть гарнизона, лучшие крепостные орудия и значительная часть снабжения. Вследствие этого Владивосток был низведен на степень какого-то цейхгауза, в котором остался для хранения один хлам, как материальной части, так и личного состава.

В таком виде я застал Владивосток в марте 1905 г., когда, после падения Порт-Артура, он должен был мгновенно вырасти в крепость I-го класса с гарнизоном в 60 тысяч человек, с вооружением в 1400 орудий, с 35 полевыми госпиталями и с расчетом приютить всю Тихоокеанскую эскадру адмирала Рожественского, следовательно, запастись годовую пропорцию всех родов снабжения для этого громадного гарнизона и быть готовым выдержать осаду такого врага, каким оказались японцы».

Казбек констатировал, что одновременно с масштабными оборонительными работами, «пришлось формировать целую дивизию пехоты, бригаду сапер и развернуть крепостную артиллерию с 4-х до 12-ти батальонов, пополняя недостаток людей из случайно собранных старослужащих и 38 тысяч запасных нижних чинов и офицеров, совершенно незнакомых с крепостным делом» [9: с. 387–389].

О том, насколько скверно обстояло дело с боевой подготовкой личного состава крепостной артиллерии и даже с несением повседневной службы свидетельствует история посещения Г.Н. Казбеком 2 апреля 1905 г. Безымянной батареи. «На батарее, – писал он – вооруженной значительным количеством прекрасных береговых орудий с дорогими стоящими бетонными постройками и наблюдательными инструментами, примыкающей к центру города, населенному преимущественно китайцами, я застал у ворот лишь одного часового; внутри – ни одной души. Другие два часовые выползли на вал откуда-то после некоторого времени. Дежурных нет. Вскоре из караульного помещения, лежащего шагах в 50 от форта, по свисту, поданному по моему приказанию, пришли разводящие: один рядовой, назвавший себя надсмотрщиком, и фейерверкер. На мой вопрос: "как мне сделать тревогу?" – последний ответил: "можно; я сейчас побегу в казарму и позову людей". Желая убедиться в порядке, принятом на батарее, я разрешил сбегать за людьми, и приблизительно минут через 15 пришла команда с офицером, как оказалось,

командиром роты, капитаном [Желез]никовым. Фейерверкер остался в казарме.

По моему приказанию "тревога", капитан растерялся; составили ружья, и только после повторенного мною приказа стали делать расчет по орудиям. Номера у орудий перепутались, не знают своего назначения. Для проверки знания службы при орудиях я приказал открыть огонь (примерно) по двигающемуся по заливу крейсеру. При этом оказалось:

1. Командир батареи не знал, как приступить к командованию.
2. Таблицы стрельбы были взяты им в руки лишь по моему напоминанию.
3. О наблюдателях капитан доложил, что их нет, между тем, как три наблюдателя и один телефонист находились на своих местах.
4. Орудия и лафеты содержатся в грязном виде и при малейшем повороте скрипят; видно, не смазываются.
5. Прислуга совершенно не обучена. Ни один номер не знает своих обязанностей.
6. Батареинный командир тоже не знает обязанностей номеров.
7. Наблюдатели давали показания наугад и только по вопросам, им предлагавшимся мною.
8. Командир батареи не имеет понятия о производстве стрельбы по движущейся цели и показал полное незнание значения наблюдательных станций и дальномеров.
9. Подаваемые команды были неправильны.
10. В строю люди не умели стоять и имели полное разнообразие в обмундировании (папах, валенки, светло-серые шинели, несмазанные сапоги).
11. Ротный командир показал, что он ничего не знает о состоянии ротного имущества и даже о личном составе роты (не знает, сколько запасных).
12. При вздвигании рядов перепутался весь строй.
13. Многие из людей, назначенных на батарею, не вышли по тревоге, и ротный командир не мог представить мне объяснений о причинах их отсутствия.

Все мною виденное убеждает меня, что Безымянная батарея, как боевая сила, не существует...» [12: с. 17–19].

Главкомандующий на случай осады Владивостока предусматривал два варианта обороны крепости полевыми войсками. Если осада начнется до прибытия в крепость 53-й пехотной дивизии, то в ней из полевых войск должны были действовать 8-я и 10-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии (32 батальона), Хабаровский пехотный полк (4 батальона), Этапный полк (4 батальона), 8-й Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион (24 орудия) и 10-я Восточно-Сибирская стрелковая артиллерийская бригада (32 орудия). Всего 40 батальонов и 56 скорострельных орудий.

Если же 53-я дивизия успеет прибыть, то 8-я и 10-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии (32 батальона), Хабаровский пехотный полк (4 батальона), Бригада 53-й пехотной дивизии (8 батальонов), дивизион артиллерии при этой бригаде (24

орудия), 8-й Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион (24 орудия) и 10-я Восточно-Сибирская стрелковая артиллерийская бригада (32 орудия). Всего 44 батальона и 80 скорострельных орудий [19: с. 221–222].

К февралю 1905 г. Хабаровский и Благовещенский резервные батальоны были развернуты на время войны в одноименные пехотные полки 4-батальонного состава. Во Владивосток прибыл сначала Хабаровский пехотный полк, который прикомандировали к 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а затем и Благовещенский [16: приказ № 68 от 22 января 1905 г., 14: приказ № 133 от 15 февраля 1905 г.]. А в приказе по обороне Приморской области от 25 февраля 1905 г. Временно исполняющий должность начальника обороны области генерал-лейтенант М.С. Андреев писал: «Предписываю из полков: 7-го и 8-го Восточно-Сибирских стрелковых и Хабаровского пехотного резервного сформировать временно сводную дивизию» [14: приказ № 186 от 25 февраля 1905 г.]. Однако это импровизированное формирование просуществовало не так долго, поскольку летом 1905 г. из Благовещенского и Хабаровского пехотных полков сформировали Владивостокскую пехотную бригаду [16: приказ № 490 от 21 июня 1905 г.].

20 мая 1905 г. Главкомандующий Н.П. Линевич доносил Николаю II, что гарнизон крепости доведен до 40 батальонов, не считая артиллерии и инженерных войск, а с прибытием молодых солдат пехоты будет до 50 тыс. штыков. Запас продовольствия в крепости удалось сформировать на 15 месяцев, патронов по 2000 на винтовку, снарядов – «в двойном числе» [19: с. 222].

В конце мая по приказу Главкомандующего крепость инспектировал вице-адмирал А.А. Бирилев, назначенный командующим флотом в Тихом океане, а после Цусимы возвращенный назад. Он должен был осмотреть состояние судов, крепости и всей оборонительной системы в целом. 7 июня комендант представил ему памятную записку, в которой, среди прочего, отмечал, что «...гарнизон крепости с начала 1905 г. стал прибавляться; подкрепления подходили без определенного плана, эшелонами, что особенно затрудняло соображения о их снабжении, размещении и боевом распределении. ... Неожиданные накопления гарнизона и артиллерийских средств, не вмещавшиеся в пределах старой крепости, заставили прибегнуть к экстренным работам по сооружению складов, пристаней, дорог и проч. При полном напряжении всех сил, гарнизону удалось за время с 1 марта по 1 июня частью вновь соорудить некоторые укрепления и частью закончить ранее начатые. При этом занятие участков местности впереди главной линии ограды и производство работ совершались все время сооб-

разно с относительной важностью их и соразмеряться с силами гарнизона...С увеличением состава войск крепости 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией явилась возможность исправить существенный недостаток линии обороны возведением позиций полевого типа на некоторых высотах. Позиции эти были уже спроектированы и спешно сооружались».

Крепость имела много слабых сторон, к числу которых относилось и состояние гарнизона, поскольку «...войсковые части, находящиеся в крепости, были импровизированны, созданы в течение конца 1904 г. и в 1905 г. "Я обращаю на это особенное внимание, так как в крепостной войне, где от личного качества частных начальников небольших частей нередко зависит успех обороны (опыт Артура) в большей степени, чем в полевом бою, крайне желательно иметь сплоченные, организованные части, с отличным офицерским составом и выдающимися начальниками, обладающими боевыми качествами, инициативой и умением принимать в решительных случаях самые ответственные решения"» [19: с. 218–226].

Последним мероприятием по усилению артиллерии в крепости стало формирование нескольких отдельных батарей: 1-й и 2-й Владивостокских четырехорудийных полевых мортирных батарей – 4-го июня и пеше-горной вылазочной батареи Владивостокской крепостной артиллерии – 6 августа 1905 г.» [13: № 26575, 26818, 21: циркуляр № 18 от 18 января 1906 г.].

18 августа 1905 г. в крепости получили известие о заключении мира и 26 сентября 1905 г. она была переведена по приказу Главнокомандующего с осадного на военное положение. В период с конца сентября по 15 октября началось расформирование Благовещенского и Хабаровского пехотных полков, стрелковых дружин и разведывательного конного отряда. Покинула крепость и Никольская боевая дружина [19: с. 226], однако, демобилизация остальной части гарнизона задержалась.

«Заключение мира отразилось самым скверным образом на общем настроении в войсках нашего гарнизона» [6: с. 27, 31], – отмечал начальник штаба крепости. Важно, что кроме уже изученных исследователями причин роста революционных настроений в крепости, таких как усталость войск от тяжелой службы в годы войны и стремление солдат вернуться домой, озлобление нижних чинов, вызванное тяжелыми условиями расквартирования и недостатком снабжения, А.П. Будберг указывает еще одну. «Главной причиной быстрого развития и необычайно буйного характера начавшихся беспорядков было колоссальное количество складов с различными спиртными напитками, разбросанных в это время по всему городу и обративших Влади-

восток в огромное вместилище спирта, водок, шампанского, рома и т.п. Столь странное для крепости превращение явилось следствием того, что после заключения перемирия по всему торговому Дальнему Востоку распространился слух о скором закрытии Владивостокского порто-франко, установленного для нашего порта во время войны. Узнав об этом, международные и отечественные спекулянты бросились скупать все наличные запасы спиртных напитков в Шанхае, Гонконге, Сингапуре и на Зондских островах и спешно направили все приобретенное алкогольное питье во Владивосток, как только разнеслась весть о заключении мира» [7: с. 30].

Права запретить это безобразие комендант не имел, а его доклады об опасности превращения города в огромный склад спирта остались безрезультатными. Между тем уже на первых 11 пароходах было доставлено и выгружено на берег около 20 тыс. тонн спиртных напитков. Вывезти их из Владивостока было невозможно – коммерческое движение по Уссурийской железной дороге было прекращено, а складов для хранения не было, так как все таможенные и частные пакгаузы и сараи были реквизированы военным ведомством и загружены военными запасами. В результате значительная часть алкоголя осталась на коммерческой пристани «...в виде огромных, в несколько саженей высотой штабелей из ящиков с шампанским, ромом и разными винами, а часть была развезена по городу и сложена в нанятых для этого пустых домах, в подвалах и дворовых сараях. Часть таких складов не имела никакой охраны, а пристанские штабеля охранялись китайцами, которые разбежались после первых выстрелов, произведенных погромщиками» [7: с. 30].

Соответственно уже через час после начала беспорядков погромщики были поголовно пьяны, и своим видом крайне отрицательно влияли на остальную часть гарнизона крепости. Усиленные дежурные части и вызванные в город специальные охранные отряды быстро перепились и только ухудшили ситуацию. К вечеру в городе начались отдельные пожары.

К ночи в распоряжении Г.Н. Казбека были сначала 4, а затем 8 полковых учебных команд. Ими перекрыли вход на коммерческую пристань, дабы не допустить проникновения погромщиков на п-ов. Эгершельд, где находились множество армейских и флотских складов, таможня КВЖД и десятки груженых коммерческих пароходов, вытянувшихся вдоль пристани, местами даже в два ряда (из них 4 со спиртным).

Руководить операцией по защите Эгершельда Казбек поручил начальнику штаба крепости А.П. Будбергу, в распоряжении которого оказались первыми прибывшие к штабу крепости учебные команды 29-го, 30-го, 31-го и 32-го Восточно-

Сибирских стрелковых полков, общей численностью около 200 чел., при 16 хороших офицерах и при 4-х пулеметах 32-го полка [7: с. 31–32].

«Только благодаря отборному составу этих команд, – вспоминал он впоследствии, – удалось выполнить недостижимую, казалось, задачу и остановить все покушения погромной массы смять нашу тонкую и безрезервную линию защиты и прорваться на коммерческую пристать и Эгершельд. Надо сознаться, что в этом отношении, особенно в первую, самую критическую ночь, нам очень помогло то обстоятельство, что весь удар велся против нас на узком фронте между пристанью и алеутской улицей; направясь часть погромщиков в обход нашего левого фланга вдоль Амурского побережья, она не встретила бы там никакого сопротивления и могла беспрепятственно достичь южной группы главных Эгершельдских складов.

В ночь с 30 на 31 Октября я провел в неособенно опасной, но все же очень оригинальной обстановке отбития нескольких попыток толпы матросов и всякой черни овладеть головной частью коммерческой пристани; стрельбы было очень много, но большинство нападавших были пьяны и палили в разные стороны и преимущественно вверх; в общем, хорошего залпа взвода учебной команды или одной пулеметной очереди было достаточно, чтобы оравшие толпы бежали обратно под надежное прикрытие спиртоносных штабелей.

Потери на их стороне были довольно порядочные (раненых они уносили), а у нас оказалось два легкораненых. Обидно то, что по условиям нашей малочисленности и специфической обстановки уличного боя, мы не могли преследовать и сразу же положить всему конец».

Вскоре на помощь прибыли с о. Русский 4 учебные команды полков 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, но для полного наведения порядка в городе этого было еще недостаточно. Поэтому в город с о. Русский перевезли еще 40-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который должен был очистить пристань от штабелей со спиртным. Увы, через несколько часов этой работы Будберг застал большинство нижних чинов в таком состоянии, что не рискнул оставить их ночью в городе, приказал снять охранение, сменившее учебные команды, а полку грузиться на баржи и ехать обратно на остров. «При этом отдал секретное распоряжение командиру буксирных средств идти самым малым ходом, временами останавливаться под предлогом разных мелких аварий и подойти к Русскому Острову таким расчетом, чтобы нижние чины успели порядочно промерзнуть, отрезать и не распространять на островные части своего пьяного возбуждения» [7: с. 32–33].

Оборону Эгершельда продолжили учебные команды и Оренбургская казачья сотня, прибывшая из г. Никольск-Уссурийского. Тогда же по предложению начальника 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, головой ручавшегося за надежность 39-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, стоявшего вне крепостного района, около станции Океанской, полк перевезли в город по железной дороге, и на вторую ночь он сменил все посты и наряды от учебных команд.

После этого, командир полка и все офицеры полка легли спать, а впервые за полутора суток добравшийся до штаба крепости Будберг услышал, как «...на Коммерческой пристани началась бешенная стрельба и оттуда донесся отчаянный рев сотен солдатских глоток. Бросился стремглав на пристань, ныряя под десятками вагонных составов, загромождавших все станционные пути; кругом хлопались и повизгивали шальные пули; впереди ярко горел пожар одного из головных пристанских складов, и при свете этого пожара я увидел позорную картину: на вершине одного из штабелей засели и отбивались шашками оренбургские казаки, а на разгром штабеля со всех сторон лезли пьяные толпы резервных рот 39 полка; несколько дальше охранение под руководством нескольких офицеров вело перестрелку с бунтарями, успевшими поджечь вышеуказанный склад и пытавшимися под прикрытием пожара и дыма поджечь и два рядом лежащих пакгауза; в охранении тоже было немало пьяных». Пришлось снова вызвать учебные команды, а полк загнать обратно в еще стоявший на путях поезд и отослать назад на станцию Океанскую [7: с. 33].

Только на третий день беспорядков во Владивосток прибыли сотни 5-го и 6-го Оренбургских казачьих полков и дивизион Приморского драгунского полка. Казаки быстро навели порядок, «...изрубили первую же кучку хулиганов и матросов, попробовавших напасть на их разъезд, нещадно перепороли сотню пойманных погромщиков и пьяных безобразников, а на остальных навели такой страх, что улицы города быстро опустели, а бродившие по ним толпы солдат и матросов поспешно укрылись в свои казармы». Только после этого удалось решить и главную проблему – все спиртное с пристани погрузили на огромные морские баржи и отвели их на середину внешнего рейда, где и оставили под охраной вооруженных катеров [7: с. 34–35].

Впрочем, положение в крепости это не нормализовало и к ее коменданту почти каждый вечер «...наваливались комитеты, депутации и отдельные лица с резолюциями, постановлениями, проектами, требованиями и решениями, принятыми на дневных и вечерних митингах, заседаниях и собраниях, и требовавшим ответа или немедленно, или не позже завтрашнего утра» [7: с. 36]. Более того, «...в вой-

сках появились доморощенные пророки и проповедники; один из полковых священников неустанно бродил по улицам и казармам, призывая к покаянию, а другой, наоборот, громил всякую власть и разносил всюду самые бредовые анархистские идеи.

Нервы сдавали и у офицерского состава. В одну ночь к коменданту крепости явился начальник воздухоплавательного парка морского ведомства, военный инженер капитан Постников, и в несомненном состоянии острого душевного расстройства предложил немедленно же осуществить подробно разработанный им проект выделения всего Владивостокского района в автономное государство и утвердить составленную им конституцию².

Генерал Казбек, видя совершенно ненормальное состояние ночного посетителя, посоветовал ему пойти выспаться и зайти на другой день утром.

Автономист обиделся, ушел, но утром не явился, а из воздухоплавательного парка донесли, что капитан П. распорядился приготовить к полету один из воздушных шаров, сел в гондолу, приказал отдать концы и улетел, унесенный ветром в море, заявив перед отправлением, что целью его путешествия было принесение Богу жалобы на невнимательное отношение коменданта к его проекту...». Посланные миноносцы догнали шар уже у о. Аскольд, подойдя в то время, когда он уже был в море [8: с. 38].

Ситуация в крепости могла в любой момент выйти из под контроля. Комендант и начальник штаба ни сил, ни средств для ее стабилизации не имели, а командование просто игнорировало срочные донесения. Поэтому А.П. Будберг, среди ночи «...испросил разрешения генерала Казбека сделать ему личный доклад совершенно исключительной важности и самого экстраординарного характера». По прибытии обрисовал ему «отчаянную обстановку, невозможность дальнейших оттягиваний и уступок и обязанность принять немедленно какое-нибудь окончательное решение. Таковым, по-моему глубокому убеждению, было донесение генералу Линевичу о том, что ввиду безрезультатности всех к нему обращений и по исчерпанию всех временных паллиативных и вредных для авторитета власти средств, генерал Казбек признавал единственным остававшимся исходом немедленную присылку во Владивосток нового коменданта, подпертого назначением в его распоряжение и прибытием вместе с ним во Владивосток внушительной военной силы и облеченного сами широкими полномочиями для принятия самых решительных мер для разгрома всех антиправительственных сил и для восстановления государственно-

го и военного порядка». После недолгого обсуждения решение было принято. Таким «...жертвенным предложением генерал Казбек должен был принудить Главнокомандование прекратить страусову политику отмахивания, отмалчивания и бездействия власти и подчеркнуть самым недвусмысленным образом отсутствие доверия и неокказание помощи, столь часто, настойчиво и основательно просимой» [8: с. 38–39].

Просьбы Казбека об отставке и Будберга об отпуске были быстро удовлетворены. Остается загадкой, как они вообще еще могли исполнять свои обязанности, ведь первый перенес в это время тиф, а второй – от тяжелейшего нервного и физического переутомления почти потерял способность читать, а на второй день Рождества, возвращаясь поздно вечером из штаба, вообще «...свалился в полубессознательном состоянии на штабной лестнице, где и был подобран при смене караула при денежном ящике крепостной артиллерии» [7: с. 35–36, 8: с. 43, 10: с. 390].

На место Казбека был назначен генерал А.Н. Селиванов, а свежих и надежных войск во Владивосток тогда так и не прислали [8: с. 40–41]. Это привело к дальнейшему обострению ситуации, а впоследствии и кровопролитию, которого так старались избежать Г.Н. Казбек и А.П. Будберг.

Таким образом, можно выделить несколько важнейших причин, приведших к революционному взрыву во Владивостокской крепости.

1. Значительная доля в составе крепостного гарнизона импровизированных частей, созданных уже в военное время с крайне слабым составом офицеров и нижних чинов, моральный уровень значительной части которых существенно недотягивал до армейских стандартов не только военного, но даже мирного времени.

2. Комплекс нерешенных социальных проблем гарнизона крепости: плохое казарменное размещение прибывших частей, проблемы с обеспечением обмундированием, организацией питания и медицинского обслуживания личного состава.

3. Неустойчивость командного состава крепости, выразившаяся в смене комендантов и других начальствующих лиц крепости уже в военное время, а также критически недостаточная численность крепостного штаба.

4. Усиленная служба военного времени, требовавшая чрезвычайного напряжения физических и духовных сил гарнизона, при недостатке идеологической подготовки и постоянной угрозе нападения неприятеля.

5. Ввоз (после заключения мира) в крепость огромного количества алкоголя и складирование его без должной охраны.

6. Игнорирование Главнокомандующим докладов коменданта крепости о постепенном росте

² Следует отметить, что это скорее всего самый ранний проект создания буферного государства на российском Дальнем Востоке, прообраз будущей Дальневосточной республики, существовавшей в 1920–1922 гг.

напряженности и отказ в принятии даже наиболее экстренных мер, необходимых для нормализации обстановки.

Итак, налицо двойственность причин и, как следствие, характер происходивших во Владивостоке в 1905 г. событий. С одной стороны, комплекс социальных проблем, обусловивших высокую восприимчивость чинов крепостного гарнизона к революционной пропаганде, и просчеты командования объективно привели к росту революционных настроений в крепости. С другой – «винный потоп» явился мощным катализатором революционного взрыва. Следствием первых стали митинги с требованием «справедливости», вторых – неконтролируемые пьяные погромы, ибо пьянство издавна было в России особой формой социального протеста, да и значительная доля солдат воспринимала понятие «справедливости» в том числе и как право напиться назло командиру.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Авилов, Р.С.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. Назло надменному соседу. 1860–1905 гг. / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 383 с.
2. *Авилов, Р.С.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – 408 с.
3. *Будберг, А.П., барон.* Сибирские воспоминания (1895–1905) / А.П. Будберг. // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ). – 1934. – № 98–99. – С. 26–35. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
4. *Будберг А.П., барон.* Сибирские воспоминания / А.П. Будберг // Вестник ОРВВВ. – 1937. – № 128–129. – С. 26–29. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
5. *Будберг А.П., барон.* Сибирские воспоминания / А.П. Будберг // Вестник ОРВВВ. – 1937. – № 137–139. – С. 42–44. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
6. *Будберг А.П., барон.* Сибирские воспоминания / А.П. Будберг // Вестник ОРВВВ. – 1938. – № 140–142. – С. 27, 30–31. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
7. *Будберг А.П., барон.* Сибирские воспоминания / А.П. Будберг // Вестник ОРВВВ. – 1938. – № 143–144. – С. 30–36. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
8. *Будберг А.П., барон.* Сибирские воспоминания / А.П. Будберг // Вестник ОРВВВ. – 1938. – № 147–149. – С. 38–41, 43. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
9. Владивостокская Крепость. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 336 с.
10. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глицинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. – СПб.: Государственная типография, 1911. – 474 с.
11. Крепость Владивосток. – СПб.: Остров, 2001. – 264 с.
12. *Кудржинский, М.А.* Владивосток в 1905 г.: Из наблюдений очевидца / М.А. Кудржинский. // Минувшие годы. – 1908. – № 4.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗ РИ III.) – СПб., 1905. Т. 25.
14. Приказы Начальника обороны Приморской области за 1905 г. – Никольск-Уссурийский, 1905.
15. Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1904 г. – Хабаровск, 1904.
16. Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1905 г. – Хабаровск, 1905.
17. Приказы по обороне Приморской области за 1905 г. – Хабаровск, 1905.
18. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 1615. – Оп. 1. – Д. 4.
19. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. – СПб., 1910. – Т. 9. – 227 с.
20. Циркуляры Главного штаба за 1904 г. – СПб., 1904.
21. Циркуляры Главного штаба за 1906 г. – СПб., 1906.

*РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
И РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГГ.
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

*СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
И ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

*THE RUSSO-JAPANESE WAR
AND THE REVOLUTION OF 1905–1907
IN THE FAR EAST*

*CONTEMPORARY ISSUES
OF SCHOOL EDUCATION AND PEDAGOGY*

№ 2 (46) 2015

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО

«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (46) 2015

Хабаровск, 2015